

Ада Веритас

Аромат моей свободы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ада Веритас

Аромат моей свободы

«Автор»

2026

Веритас А.

Аромат моей свободы / А. Веритас — «Автор», 2026

Эта роман — о возвращении. Не к человеку. К себе. О женщине, которая три года верила, что без него — ноль, и заново училась дышать. О парфюмерной формуле, которую крали, как душу. О аромате «Сильная женщина», который пахнет страхом и свободой, тьмой и рассветом. О двух подругах, которые идут рядом — через ресторан, где унижают, через больницу, где отмывают желудок, через выставку, где срывают маску с тирана. И о мужчине, который принёс васильки — неуклюже, тяжело, по-своему. Потому что не умеет. Но хочет научиться. Запах — это память. Один вдох — и ты снова там, где боялась. Или — там, где впервые сказала: «Я — живая. Это больше, чем было». «Аромат моей свободы» - это вторая книга серии «Салон Ады. Шепот кожи».

© Веритас А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ада Веритас

Аромат моей свободы

Глава

«Аромат моей свободы»

Серия: «Салон Ады. Шепот кожи»

Пролог

Запах — это память. Один вдох — и ты снова там, где была счастлива. Или там, где боялась. Жасмин возвращает в детство. Бергамот — в первый день осени. Пачули — в сад у бабушкиного дома. А аромат, который Анна Соколова создавала два года, пахнет всем сразу: страхом и свободой, тьмой и рассветом, женщиной, которая училась заново дышать.

Ада знала: из абьюза не выходят одним решением. Выходят — и возвращаются. И снова выходят. И каждый раз думают: «В этот раз будет по-другому». Она была психологом и понимала — умом. Но когда подруга ночью уехала к человеку, который её ломал, Ада поняла: знание не спасает. Спасает — присутствие. Просто — быть рядом. Когда возвращаются. Когда падают. Когда — не хотят жить.

Эта книга — о возвращении. Не к человеку. К себе.

Глава 1. Удушающий шлейф

Москва никогда не спит, она дышит амбициями, выхлопными газами и дорогим парфюмом. В конференц-зале пятизвёздочного отеля на Тверской только что стихли аплодисменты. Анна стояла на сцене — безупречная, в идеально скроенном брючном костюме, с безукоризненной осанкой. Как ведущий бизнес-тренер компании «Еврокосметик», она только что закрыла трёхдневный интенсив по продажам селективной парфюмерии для топовых дистрибуторов. Она улыбалась, принимая благодарности, но внутри неё звенела натянутая тетива. Коуч, который учит сотни людей читать чужие эмоции и управлять переговорами, в собственной жизни медленно шёл по минному полю.

Конференц-зал ещё гудел голосами, позвякивал хрусталём на фуршетных столах. Пахло кофе, мятой и свежей типографской краской от раздаточных материалов. Анна спустилась со сцены, механически кивая коллегам, и в этот момент услышала:

— Анька! Ну какая же ты стала крутая!

Этот тёплый, глубокий голос прорезал официальный гул зала, как луч света сквозь плотные шторы. Анна обернулась. Навстречу ей шла Ада. Та самая Ада, с которой они когда-то делили одну парту в Шолоховке, вместе сдавали зачёты и мечтали покорить этот мир. Ада приехала в Москву на этот же симпозиум со своей программой по саморегуляции и психологической устойчивости.

Время словно стёрло годы: те же глаза, та же понимающая улыбка. Ада была в тёмном свободном пальто, из-под ворота которого выглядывала бежевая шелковая блузка. Она шла уверенно, широко, как человек, которому не нужно никому доказывать свою значимость. Женщины обнялись, и на мгновение Анне показалось, что она снова та девчонка из университета — лёгкая, свободная, не обременённая чужими тяжёлыми ожиданиями.

— Ада... Боже, как я рада! — искренне выдохнула Анна, и её плечи впервые за день опустились. — Пойдём отсюда. Срочно. Кофе, подальше от этих стен. Мне нужно подышать.

Они устроились в уютном, полумрачном лобби-баре. Приглушённый свет настенных бра ложился на тёмное дерево стола мягкими янтарными пятнами. На столе дымились две чашки эспрессо. Из скрытых динамиков едва слышно лился джаз — негромкий, ненавязчивый, как тихий разговор двух старых друзей.

Ада внимательно, профессионально смотрела на подругу. Внешне Анна была идеальным глянцем: дорогие часы, безупречные манеры, холёная кожа. Но психолога внутри Ады невозможно было обмануть. Она видела эти маркеры: слишком частые, машинальные взгляды на экран заблокированного телефона, едва заметный тремор пальцев, когда Анна поправляла волосы, и глухое, затаённое напряжение в глазах. Так выглядит женщина, которая постоянно ждёт удара. Или отчёта.

— Расскажи, как ты. «Как жизнь?» — спросила Ада, отхлебнув кофе. Тон был лёгкий, почти бытовой, но глаза — цепкие, всё считывающие.

— Да всё хорошо, — Анна улыбнулась слишком быстро, слишком ровно. — Работы много. Конференции, тренинги, командировки. Бизнес растёт.

— А личное? — Ада не давала ей уйти в безопасный коридор профессиональных отчётов.

Анна на секунду замерла. Её взгляд скользнул куда-то в сторону, к окну, за которым мелькали огни Тверской.

— Личное... — она чуть помедлила, подбирая слова. — У меня жених. Амер. . Всё серьёзно.

— Серьёзно — это как? — мягко, но настойчиво переспросила Ада.

Анна не успела ответить. Телефон на столе ожил. Экран высветил короткое имя: Амэр.

Ада заметила, как в секунду изменилась осанка подруги. Анна не просто выпрямилась — она словно оцепенела, подбираясь, как солдат перед генералом. От неё мгновенно повеяло тонким, едва уловимым, но удушающе-сладким ароматом с нотами горького миндаля и тяжёлой кожи — личным творением Амэра, которое он заставлял её носить.

— Да, Амэр. Да, тренинг окончен, — голос Анны стал тише, раппорт уверенного коуча испарился, уступая место оправдывающимся интонациям. — Нет, я не освободилась. Встретила Аду, однокурсницу по Шолоховке, мы пьём кофе... Да, я помню, что в семь у нас ужин с поставщиками из Граса. Я буду вовремя. Конечно. Я не забуду.

Анна положила трубку. На её лице застыла виноватая, вымученная улыбка, а спина осталась напряжённой, словно она всё ещё стояла по стойке «смирно».

— Это Амэр. Мой жених и главный парфюмер нашего холдинга, — Анна заговорила быстро, почти взхлёб, словно боялась, что тишина станет обвинением. — У него турецкие корни, понимаешь... Восточный менталитет, он очень трепетно относится к моему времени, контролирует каждую минуту, заботится так...

Она заученно повторяла коучинговые формулировки, чтобы защитить свой идеальный фасад, и Ада видела, как с каждым словом Анна всё сильнее вжимается в кресло, как её пальцы обхватывают чашку слишком крепко.

Ада сделала глоток кофе, мягко накрыла ладонь подруги своей рукой и тихо, но весомо произнесла:

— Ань. Не надо. Не включай передо мной тренера по продукту.

Анна вздрогнула и замолчала.

— Это не забота, — продолжила Ада, глядя ей прямо в глаза. — Это поводок. И я знаю, о чём говорю.

Она выдержала паузу, давая словам осесть.

— В моём родном Астрограде остался человек, который делал со мной абсолютно то же самое. Мой Мистер Совершенство. Матвей. Послушай, как это начиналось у меня, и сравни...

Анна подняла на неё глаза — не испуганные, а жадные, как человек, которому наконец можно не притворяться.

— Матвей — архитектор, — начала Ада, медленно вращая чашку в ладонях. — Монолитный, закрытый, тяжёлый. Он не кричал. Не унижал. Он просто... замолкал. Его молчание было плотным, как бетонная стена. Я могла прийти домой счастливой, а он сидел за чертежами и не поворачивал головы. Неделями. Потом подбрасывал мне сухие поручения — оформить гараж, забрать документы — вместо того, чтобы просто обнять.

— И ты ушла? — тихо спросила Анна.

— Нет, — Ада покачала головой. — Потому что за этой бронёй я чувствовала живое, испуганное сердце. Матвей закрывал свои границы — защищаясь. Не атакая. Он был ранен и боялся боли. Но он не был безнадёжен. В его темноте жил свет, и именно поэтому я написала для него книгу-зеркало и оставила дверь приоткрытой на миллиметр.

Ада посмотрела на подругу, и её взгляд стал серьёзнее.

— Ань, я не знаю твоего Амэра. Но то, что я увидела за последние пять минут — другой почерк. Совсем другой. Матвей строил стену между собой и миром. А твой Амэр... Он не защищается. Он наступает. Через этот парфюм, который ты носишь как клеймо. Через голос в трубке, от которого ты вытягиваешься по стойке «смирно». Он не закрывает свои границы — он переписывает твои.

Анна опустила голову. Её пальцы разжались, и чашка чуть качнулась на блюде.

— Я... не знаю, — прошептала она. — Мне кажется, если я сделаю шаг назад и уйду, я останусь абсолютно никем.

— Это не ты так думаешь, — мягко, но твёрдо сказала Ада. — Это он так внушил.

Повисла тишина, наполненная только далёким джазом и шорохом чужих разговоров.

— Ада, ты меня слышишь? — Анна вдруг подняла голову, словно спохватившись. — Кстати, Амэр просил передать, чтобы ты обязательно присоединилась к нам на ужине в ресторане. Он очень хочет познакомиться с моей «умной подругой-психологом из провинции». Пойдёшь? Ужин в семь.

Ада посмотрела на часы, затем на зажатую, ждущую ответа Анну, и внутри неё включился азарт исследователя. Появление за столом — это не просто ужин. Это возможность увидеть систему изнутри, увидеть, как Амэр работает в естественной среде, при свидетелях.

— Конечно, Анечка, — улыбнулась Ада, и в её улыбке не было ни капли покорности. — С удовольствием познакомлюсь с твоим парфюмером.

Глава 2. Мерхаба, Амэр-бей

Перед зеркалом в номере отеля Ада застёгивала замок на строгом, но невероятно чувственном тёмно-изумрудном платье. Плотная ткань подчёркивала её роскошные, истинно жен-

ственные формы — ту самую плавность бёдер и высокую грудь, от которой мужчины на Востоке теряют голову.

Папа всегда учил её держать спину прямо. И сейчас, глядя на своё отражение в безликом московском зеркале, она вдруг остро, до шемящей боли в груди, затосковала по Астрограду. По своим рыжим закатам. По студии «Тёплое место». По Матвею. Она достала телефон и, подавшись секундной слабости, написала ему:

«В Москве сыро. Скучаю по нашему Тёплому месту».

Ответ пришёл через десять минут — сухой, короткий, в его фирменном стиле:

«Будь внимательна там. Я знаю, на что способны турки. С их приставаниями».

Ада грустно улыбнулась. Даже через сотни километров её закрытый, ледяной Монолит пытался по-своему, неуклюже оберегать её. За этой колючей сухостью скрывалась забота. За предупреждением о чужой ревности — страх её потерять. Матвей строил глухие стены, спасаясь от собственной ранимости, но его сердце оставалось живым. Он не был безнадёжен.

«Вот бы Аннин парфюмер умел так — молча беречь, — подумала Ада, убирая телефон в сумочку. — Но нет. Тот не строит стены. Тот строит клетку».

Она накинула пальто и вызвала такси. Пора было идти на встречу с «Османской империей».

Ресторан «Шёлковый путь» в самом сердце Москвы ослеплял восточной роскошью, причудливо переплетённой со столичным пафосом. Стены из тёмного лакированного дерева были обтянуты тяжёлым изумрудным бархатом с золотым тиснением в виде османских узоров. Под потолком покачивались массивные кованые люстры, отбрасывая тёплые блики на хрусталь и авторскую керамику. Воздух в зале был плотным, почти осязаемым: в нём смешивались аппетитные запахи запечённого с пряностями ягнёнка, дорогой сигарный дым и удушающе-сладкий шлейф личного парфюма Амэра с нотами горького миндаля и смолы, который властно доминировал над всем пространством.

Ада остановилась у входа, на секунду задержав дыхание. Годы работы коучем в «Л’Ореаль» научили её не только формулам и маргинальности — она научилась читать помещение. Запах — это первое, что выдаёт хозяина. Этот аромат был не парфюмом. Это была декларация территории. Амэр не надевал духи — он маркировал пространство, как зверь, обходящий свои владения.

Когда Ада вошла в зал, её уверенная, неторопливая походка заставила мужчин за угловым VIP-столиком синхронно обернуться. Плотный изумруд платья двигался в такт шагам, подчёркивая безупречную статью.

Амэр сидел во главе стола. Настоящий красавец из турецких сериалов: точёный профиль, безупречная винировая улыбка, расстёгнутая на две пуговицы шёлковая рубашка под тёмно-синим пиджаком и хищный, оценивающий взгляд человека, привыкшего раскладывать чужие границы на составные части. Рядом с ним сидела Анна — бледная, натянутая, как струна, в своём строгом светлом костюме.

Ада отметила детали, которые видели только профессиональные глаза: Амэр сидел, раскинув локти на подлокотниках, — открыто, демонстративно, занимая больше пространства, чем нужно. Анна сжалась, убрав руки под стол, словно стараясь стать незаметнее. Между ними стоял физический барьер — массивная ваза с цветами, заботливо выставленная ровно посередине, не дававшая Анне даже дотронуться до жениха. Интересно, кто её поставил?

Заметив Аду, Амэр вальяжно откинулся на резную спинку стула, готовясь снисходительно поприветствовать «подругу-психолога из провинции».

— Мерхаба! Ниче син, Амэр-бей? — Ада мягко улыбнулась, не дожидаясь приглашения, и с королевским достоинством опустилась в свободное кресло.

У Амэра от неожиданности едва не выпал из рук бокал с шербетом. Его холёная маска хозяина жизни на секунду дала ощутимую трещину, а важные, статные арабы-поставщики переглянулись и восхищённо заулыбались.

— Вы говорите по-турецки? — Амэр подался вперёд всем корпусом, буквально пожирая её глазами и напрочь забыв о сидящей по правую руку невесте. — Не ожидал встретить в Москве девушку с таким чистым произношением.

— В моих жилах течёт татарская кровь, Амэр-бей, — спокойно ответила Ада, неспешно расправляя льняную салфетку на коленях. — Наши языки — близкие родственники. Я искренне люблю Восток. Стамбул, его узкие улочки, сложную музыку... И даже за турецким футболом с интересом слежу. Барыш Альпер — потрясающий игрок, чистая страсть и напор на поле.

— О, вы ранили меня в самое сердце! — Амэр ослепительно сверкнул идеальными зубами, торжествуя, глядя на партнёров. — Господа, кажется, эта прекрасная гостья знает о моей родине больше, чем половина сотрудников холдинга!

Один из партнёров, седовласый араб в идеальном костюме-тройке с золотыми запонками, с почтением склонил голову:

— Ханум Ада обладает не только редкой красотой, но и глубоким уважением к нашей культуре. Это бесценно. Амэр, твоя компания «Амэр-Амор» должна дорожить такими знакомствами. Кстати, о логистике парфюмерных баз... Вы успели ознакомиться с новыми таможенными пошлинами на ввоз эссенций из Граса?

Ада подхватила нить беседы так легко, будто всю жизнь управляла дистрибуцией:

— Если позволите, уважаемый Ахмед-бей, новые пошлины действительно серьёзно бьют по маржинальности европейских поставок. Но для «Еврокосметик» оптимизация логистических цепочек через Стамбульский хаб может снизить транспортные издержки почти на двенадцать процентов. Мы подробно просчитывали эти финансовые риски на наших интенсивах по продукту.

Анна, оживившись и надеясь поддержать профессиональный тон, робко добавила:

— Да, и наши ключевые московские дистрибьюторы готовы пересмотреть объёмы оптовых закупок, если мы зафиксируем прежнюю отпускную цену за флакон...

— Аня, — оборвал её Амэр.

Он даже не повернул к ней головы. Голос прозвучал негромко, но сухо и хлётко, как щелчок кнута в закрытой комнате.

— Твоё дело — учить девочек-консультантов красиво улыбаться у прилавка. Логистику, контракты и цифры оставь мужчинам. И ради бога, сядь прямо. Что ты вечно сутулишься? Из-за твоей осанки этот костюм выглядит так, будто ты стащила его с дешёвой распродажи.

Анна мгновенно залилась краской стыда. Её плечи судорожно дернулись, а пальцы, уже потянувшиеся к изящной тарелочке с фисташковой пахлавой, замерли на весу.

— И отложи пирожное, — добавил Амэр с бархатной, ласково-ядовитой улыбкой, продолжая не отрываясь смотреть исключительно на Аду. — Ты в последнее время заметно поправилась, Аня. Тебе совсем не идёт эта рыхлость. Посмотри, как выглядит Ада — вот где природная женская статья и порода. А у тебя сегодня просто ужасно замученный вид. Могла бы хоть губы поярче накрасить ради таких уважаемых гостей. Совсем перестала за собой следить.

За столом повисла липкая, звенящая пауза. Арабские партнёры смущённо отвели взгляды, начав с преувеличенным интересом изучать тонкую роспись фарфоровых тарелок. Анна сидела неподвижно, её побелевшие губы мелко дрожали, а в глазах стояли невыплаканные слёзы.

«Вот оно, — подумала Ада, и внутри неё всё сжалось от холодной, профессиональной ярости. — Классический паттерн. Обесценивание на глазах у свидетелей. Сравнение с другой женщиной — чтобы разрушить самооценку. И всё это с улыбкой, ласковой интонацией, как будто он заботится. Матвей тоже мог ранить — своим молчанием, своими блоками. Но Матвей никогда бы не стал растаптывать меня на публике. Он закрывался в себе, уходил в свою раковину, но не выворачивал меня наизнанку перед чужими людьми. Амэр же делает это с наслаждением. Ему нужен не контакт — ему нужен зритель».

— Знаете, господа, — не унимался Амэр, лениво покачивая рубиновый напиток в бокале. — Моя Анна — прекрасный исполнитель. Аккуратная, послушная... но масштабные контракты и стратегическое видение — увы, не её потолок. Женщине её склада всегда нужна твёрдая руководящая рука. Контроль. Без этого она просто теряется.

Это была откровенная, садистская вивисекция — медленное уничтожение человеческого достоинства на глазах у публики.

Анна больше не выдержала. Слёзы брызнули из её глаз, оставляя тёмные полосы на щеках. Она резко вскочила, едва не задев подол скатерти:

— Простите... мне нужно выйти в дамскую комнату.

Амэр лишь снисходительно усмехнулся ей вслед и сделал глоток, уверенный в своей абсолютной безнаказанности.

Ада не спеша опустила приборы на край тарелки. Выдержала точную, ледяную паузу в три секунды и плавно поднялась. Она посмотрела на Амэра сверху вниз — прямо, не моргая, тяжёлым препарирующим взглядом клинического психолога, видящего перед собой не восточного принца, а глубоко закомплексованного тирана.

— Я выпила слишком много кофе, тоже отлучусь, — произнесла Ада ровным, бархатым, но замораживающим тоном.

Под этим взглядом султанская спесь Амэра на мгновение сбилась. Его зрачки сузились, он нервно дёрнул плечом, почувствовав, как почва под ногами на долю секунды качнулась.

В дамской комнате, утопающей в золочёной мозаике и зеркалах, Анна стояла, вцепившись побелевшими пальцами в мраморную раковину. Её хрупкое тело сотрясали беззвучные, удушливые рыдания. Она пыталась смыть потёкшую тушь, но пальцы не слушались, растирая чёрные разводы по бледной коже.

Ада подошла бесшумно. Мягко, но с несокрушимой уверенностью положила руки подруге на плечи и развернула её к огромному зеркалу.

— Посмотри на себя, Аня. Ну-ка, подними глаза и посмотри на меня, — тихо, но властно сказала Ада, бережно забрав из её дрожащих пальцев мокрую салфетку. — Этот роскошный селективный парфюм, дорогая обёртка, виниры и пафос ресторанов — это фасад. А внутри там сидит трусливый яд, который методично убивает твою душу. Ты — ведущий бизнес-тренер крупного холдинга, ты лицо компании, ты умная, сильная женщина! А сейчас ты стоишь здесь и ломаешься пополам только потому, что домашний деспот с раздутым эго решил самоутвердиться за твой счёт перед партнёрами.

Анна всхлипнула, беспомощно уткнувшись лицом в изумрудную ткань платья Ады:

— Ада... я больше не выдерживаю... Я вроде бы люблю его, но я задыхаюсь рядом. Он контролирует каждый мой вздох, каждый кусок на тарелке, каждый звонок. Мне кажется... если я сделаю шаг назад и уйду, я останусь абсолютно никем. Он внушил мне, что без него я — пустое место! Ноль!

— Хватит, — Ада бережно, но твёрдо взяла её за подбородок, вынуждая поднять заплаканное лицо. — Это говоришь не ты. Это говорит его поводок, который он изо дня в день затягивает на твоей шее. Всё, Аня. Сегодня — первый день твоего освобождения. И я даю тебе слово: мы сорвём этот ошейник. Ты снова будешь дышать полной грудью. Слышишь меня? Утри слёзы. Поправь макияж. Сейчас мы выйдем назад в зал, и ты покажешь всем за этим столом, кто здесь настоящий эксперт. А с господином Амэр-беем мы теперь сыграем по моим правилам.

Глава 3. Ноты бунта

— Никаких слёз, Аня. Слышишь меня? — Ада говорила тихо, но каждое слово падало весомо, как камень в воду. — Твоя размазанная тушь и красные глаза сейчас только потешат его эго. Он увидит сломленную жертву и упьётся собственным величием. Мы не подарим ему этот триумф.

Ада решительно открыла сумочку, достала консилер, матирующие салфетки и помаду глубокого ягодного оттенка. Действовала она быстро и выверенно, как хирург перед операцией: убрала следы растёкшейся туши, выровняла тон кожи под глазами, подчеркнула чувственные губы Анны.

— Подбородок выше. Расправь плечи. Вспомни ту Анну, которая держала двухтысячный зал на Тверской, — шептала Ада, поправляя подруге воротник светлого жакета. — Сейчас мы вернёмся туда не оправдываться. Мы идём брать реванш.

Идея родилась прямо здесь, среди золочёной мозаики и шума льющейся воды. На ходу, за пару минут, они набросали контуры легенды: Анна отлучилась не из-за слёз, а ради срочного звонка по её собственному закрытому проекту. Но для Ады это был не просто блеф во спасение вечера. Это был первый кирпич в фундаменте новой реальности, где Анна перестанет быть декоративным приложением к чужому успеху.

Тем более что Ада в этом мире не была дилетантом. До того, как открыть психологическую студию «Тёплое место» в Астрограде, она много лет проработала ведущим коучем и корпоративным тренером в гиганте «Л'Ореаль». Она наизусть знала законы быти-рынка: от химической формулы спиртовых баз и капризов грасских эссенций до беспощадной экономики ритейла, маржинальности полок и психологии покупателя. Она знала, как рождаются бренды и как ломаются судьбы в кулуарах люкса. Амэр считал её просто «подружкой из провинции», не подозревая, что наткнулся на профессионала с многолетним стажем в той же индустрии.

Когда они вышли из дамской комнаты, восточный зал ресторана «Шёлковый путь» предстал перед ними во всей своей душной, тягучей красе. Под сводами лакированных потолков, затянутых изумрудным бархатом с золотой османской вязью, плыла негромкая, обволакивающая живая музыка. Где-то в глубине за резной перегородкой музыканты в традиционных одеяниях играли на уде и кануне. Вибрирующие, меланхоличные восточные струнные перебивы, поддержанные мягким, гипнотическим ритмом дарбуки, создавали плотный акустический кокон. Этот звук смешивался с тихим перезвоном хрусталя, ароматами запечённого ягнёнка, кардамона и тяжёлым шлейфом духов Амэра, рождая ощущение обманчивого уюта, за которым скрывалась хищная восточная сказка.

Две потрясающие женщины — темноволосая Ада в чувственном изумрудном платье, излучающая породистое спокойствие, и Анна, тонкая, с королевской осанкой и сияющим взглядом, — шли неторопливо, ловя на себе восхищённые взгляды уважаемых мужчин за соседними столиками.

«Вот так и надо, — думала Ада, чувствуя спиной чужие взгляды. — Не торопясь. Не оправдываясь. Как будто ничего не случилось. Пусть он видит, что его слова не сломали нас. Что Анна встала — и пошла дальше».

В кармане платья Ады протяжно завибрировал телефон.

Она достала трубку, мельком взглянула на экран — и сердце пропустило удар. На дисплее высветился входящий видеозвонок: Матвей.

Ада замерла у массивной резной колонны, в паре шагов от столика. Матвей никогда не звонил по видео. Он ненавидел эти технологии, предпочитая короткие текстовые отчёты или сухие голосовые фразы. Если он нажал кнопку камеры — значит, внутри его брони бушевала буря, которую он не мог контролировать.

Ада провела пальцем по экрану и поднесла телефон к лицу.

На тёмном экране высветился его монолитный силуэт. Матвей сидел в своём полумрачном кабинете в Астрограде, в расстёгнутой на ворота рубашке, на фоне чертежей и макетов.

Его лицо казалось высеченным из серого гранита. Глаза — цепкие, острые, тяжёлые — мгновенно скользнули по лицу Ады, опустились к её глубокому декольте в изумрудном платье, а затем камера смартфона предательски захватила перспективу: роскошный восточный интерьер ресторана, золотое тиснение, качающиеся кованые люстры и VIP-столик, за которым сидел холёный Амэр в расстёгнутой шёлковой рубашке в окружении статных арабских шейхов.

Тяжёлая челюсть Матвея сжалась так, что на скулах заходили желваки. Его взгляд потемнел от глухой, яростной ревности, которую он отчаянно пытался заковать в привычную ледяную броню.

— Матвей?.. — тихо позвала Ада.

Он молчал секунду, разглядывая роскошь вокруг неё и мужчин, пожиравших её глазами. В его голосе зазвучал металлический, обиженный и леденяще-сухой холод — тот самый, которым он закрывал свои двери, когда ему было невыносимо больно:

— Понятно. Ошибся временем. Окей, развлекайся.

Экран погас. Звонок оборвался.

Ада медленно выдохнула, сжав телефон в руке. Ей стало почти физически больно за эту его колючую вспышку. Но психолог внутри неё безошибочно считал суть: этот звонок был криком о помощи. Её нелюдимый, закрытый архитектор сходил с ума от ревности за сотни километров. Он грубо оборвал связь не потому, что ему было всё равно, а потому, что панически боялся увидеть, как она ускользает в чужой, сияющий столичный мир. И в этом его сухом «развлекайся» было столько живой, уязвимой боли, что Ада мысленно пообещала себе всё объяснить ему ночью.

«Ты тоже ранен, мой Монолит, — подумала она, глядя на погасший экран. — Но ты ранен честно. Тебе больно — и ты не прячешь это за улыбкой. Ты просто замолкаешь и уходишь. А этот, за столом... он улыбается, когда делает больно другим. И в этом вся разница».

Спрятав телефон, она вернулась в реальность. Сейчас нужно было спасти Анну.

Подойдя к столику, Ада с невозмутимым достоинством опустилась в кресло. Анна села рядом — ровно, расправив плечи, без тени недавней сломленности.

Амэр победоносно усмехнулся, ожидая увидеть заплаканную, пристыженную невесту, но наткнулся на невозмутимый взгляд Ады.

— Ну что, господа партнёры, не заскучили без нас под эту прекрасную музыку? — с тонкой, дерзкой полуулыбкой произнесла Ада, бросив вызывающий взгляд прямо в глаза парфюмеру.

Анна, не глядя на жениха, обратилась напрямую к седовласому Ахмед-бею:

— Прошу прощения за задержку, господа. Срочный звонок. Мой ключевой партнёр по созданию нового авторского аромата вышел на связь из-за разницы во времени. Пришлось оперативно согласовать детали. Мой личный проект выходит на финишную прямую.

У Амэра от неожиданности перехватило дыхание. Его холёное лицо залила густая краска — гремучая смесь шока, возмущения и уязвлённого самолюбия. Какой проект?! О чём она говорит?! Он не знал ни единой детали. Контроль, который он выстраивал годами, дал трещину прямо на глазах у арабских инвесторов. Кожа на его шее натянулась, рот непроизвольно приоткрылся, и он уже набрал воздуха в грудь, чтобы грубо поставить Анну на место.

Но Ада не позволила ему перехватить инициативу.

Повернувшись к Амэру всем корпусом, она негромко, но с кристальной, бритвенной отчётливостью произнесла на безупречном турецком:

— Ağzını kapat, Amër bey. Şaşırdın mı? (Закройте рот, Амэр-бей. Вы удивлены?)

За столом повисла звенящая тишина, перекрывшая даже звуки кануна.

Амэр буквально остолбенел. Но эффект оказался куда глубже: седовласый Ахмед-бей и его компаньоны прекрасно знали турецкий. На их лицах сначала промелькнуло ошеломление от такой дерзости, а затем — неподдельный восторг. В традиционном восточном укладе женщина в семье может быть послушной, но перед чужими, сильными, породистыми женщинами, способными на стальной отпор, восточные мужчины испытывают почти благоговейный трепет. Красота Ады и её безупречная фраза попали в яблочко.

— Машаллах! — Ахмед-бей искренне рассмеялся, хлопнув в ладони. — Какая статья! Мадам Анна, ханум Ада... Расскажите, что это за проект? Если позволите, мы были бы счастливы первыми услышать подробности и, возможно, войти в долю.

— Стоп! Господа, одну минуту! — взорвался Амэр, сорвавшись на визгливые, нервные ноты. Он с грохотом отодвинул приборы. — Какой ещё новый проект?! В рамках холдинга «Еврокосметик» никакой самостоятельности не будет! Здесь всеми разработками руковожу исключительно я! И вы — мои партнёры по «Амэр-Амор», а не её! Да и потом... что женщина вообще понимает в экономике, формулах и серьёзном построении бизнеса? Анна — методист, её потолок — это скрипты продаж для консультантов в моллах!

Глядя на эту багровую от ярости маску, Ада невольно вспомнила только что оборвавшийся видеозвонок. Перед глазами снова стояло каменное лицо Матвея. Да, её архитектор тоже бывал невыносим. Матвей мог быть резким, колючим, замкнутым до глухоты. Он тоже считал, что женщине не место на стройке среди бетона и арматуры, и бросал сухие поручения вроде оформления гаража вместо ласки. Но какая же между ними была пропасть!

Грубость Матвея была защитным панцирем израненного мальчишки, боявшегося подпустить кого-то близко. В его ревности, даже в этом нелепом обиженном звонке, была живая боль и абсолютная честность. Матвей никогда бы не опустился до того, чтобы растаптывать её достоинство на глазах у чужих мужчин ради своего дешёвого превосходства. Он строил стены от мира, но внутри оставался чистым и прямым. Амэр же был трусливым домашним тираном: лощёный фасад, под которым скрывалась мелочная гниль. В сравнении с этой ядовитой фальшью молчаливый Монолит из Астрограда казался Аде кристально честным, сильным и бесконечно родным.

— Экономика строится на аналитике и цифрах, Амэр, а не на гендерных комплексах, — спокойно и холодно вмешалась Ада. Её голос зазвучал с авторитетом человека, знающего изнанку индустрии лучше любого присутствующего. — Я провела слишком много лет в качестве коуча и тренера топ-менеджмента в «Л’Ореаль», чтобы понимать: рынок диктует потребитель, а не чьё-то раздутое эго. Аня, партнёрам важна суть. Раскрой концепцию пирамиды и финансовую модель.

Анна, поймав уверенный взгляд подруги, благодарно выпрямилась. В её глазах зажёгся настоящий огонь.

— Идея вынашивалась давно. Рынок перенасыщен либо приторными девичьими цветочными компотами, либо душным, давящим удом. Мой проект — это парфюм «Сильная женщина». Но не той показной маскулинной силы, которая всё разрушает, а силы зрелой и чувственной. Это аромат женщины, которая умеет держать удар судьбы, но глубоко внутри остро нуждается в мужском тепле, защите и ласке. Гармония брони и нежности.

Арабские партнёры слушали её, затаив дыхание. Даже официант с подносом замер у драпировки.

— В сердце композиции я заложила жасмин и иланг-иланг — они раскрывают женскую манкость и тепло, — увлечённо продолжала Анна, её голос звучал профессионально, гипнотизирующе. — В базе звучит глубокий земляной пачули, дающий ощущение надёжной опоры, а в верхних нотах — бархатная майская роза и неожиданно прохладная, весенняя сирень, приносящая свежесть воздуха после первой грозы. Финальный штрих я ещё дорабатываю в лаборатории, но баланс уже найден.

— Прекрасная пирамида, — с глубоким знанием дела произнёс Ахмед-бей, словно ощущая этот шлейф сквозь звуки музыки. — Но что с поставками сырья? Натуральный жасмин и чистые масла иланг-иланга сейчас в дефиците из-за санкций.

— Этот вопрос я решила, — с лёгкой улыбкой ответила Анна. — У меня есть предварительное соглашение с крупным поставщиком из Абу-Даби. Их дом масел широко известен в Европе безупречным качеством. Они берут на себя прямую поставку эссенций и готовы финансировать международный маркетинг в обмен на эксклюзивные права в странах Залива.

— А какова себестоимость и проходимость на полке сетевого ритейла? — профессионально поддержала Ада, опираясь на свой бэкграунд в «Л’Ореаль». — Как вы удержите маржинальность при высоких логистических плечах?

— За счёт оптимизации прямых поставок масел себестоимость флакона объёмом пятьдесят миллилитров составит двадцать три евро, — с точностью финансового аналитика отчеканила Анна. — При розничной цене на полке в сто пятьдесят евро чистая маржинальность для ритейла составит свыше шестидесяти процентов. Это гарантирует максимальную проходимость и лояльность байеров. Первая партия окупит себя уже через сорок пять дней.

Ахмед-бей и его партнёры одобрительно переглянулись, поражённые столь безукоризненной защитой бизнес-плана.

«Вот она — настоящая Анна, — подумала Ада, и её сердце кольнула радость пополам с горечью. — Вот кем она была до Амэра. Вот кем она может стать без него. Ей не нужен спаситель. Ей нужна была только точка опоры. Кто-то, кто скажет: ты не ноль. Ты — можешь».

Для Амэра это стало сокрушительным ударом. Осознание того, что женщина, которую он годами методично превращал в бессловесную тень, на голову превосходит его в стратегическом чутье, окончательно сорвало с него маску. Он побагровел, вскочил из-за стола и со всей силы ударил кулаком по белоснежной скатерти так, что жалобно звякнули бокалы:

— Хватит этого цирка! — взревел он, брызжа слюной. — Какое ещё Абу-Даби?! Какая лаборатория?! Ты сидишь на моей шее, ты ноль без меня! Ты просто зарвавшаяся дешёвая кукла!

Затем он в ярости повернулся к Аде, тыча в неё униженным перстнями пальцем:

— А ты... Это всё ты! Притащилась со своими психологическими штучками, забила ей голову феминистским бредом и накрутила её! Ты разрушаешь мой дом и мой холдинг, провинциальная шарлатанка!

Музыка за перегородкой мгновенно смолкла. В зале повисла ледяная, мёртвая тишина. Люди за соседними столиками с возмущением повернулись в их сторону.

Ада даже не шелохнулась. Она лишь спокойнее откинулась на спинку кресла, препарируя его припадок взглядом исследователя.

«Вот и всё, — подумала она. — Маска упала. Ты не заботливый восточный мужчина. Ты — испуганный мальчишка, который лупит кулаком по столу, потому что у него отбирают игрушку. Матвей тоже умеет злиться. Но Матвей злился молча — уходил, закрывался, переживал в одиночестве. А этот... Этот ломает чужую мебель».

Но реакция арабских гостей была сокрушительной. Ахмед-бей медленно, с тяжёлым величием поднялся со своего места. Его седые брови сошлись на переносице, а взгляд стал похож на дамасскую сталь.

— Довольно, Амэр, — голос арабского шейха прозвучал негромко, но с такой властной силой, что парфюмер моментально осёкся и замер с поднятой рукой. — Мы прилетели в Москву заключать контракт с достойным мужчиной, а не слушать истерику базарного торговца. Твоя невозддержанность, крики на гостей и это отвратительное, низкое отношение к собственной женщине оскорбляют наши традиции. Мужчина, который не умеет держать себя в руках и публично растаптывает свою невесту, никогда не будет надёжным партнёром в делах.

Ахмед-бей коротким жестом подозвал метрдотеля, бросил на стол чёрную карту для закрытия счёта всего банкета и повернулся к Амэру:

— Переговоры по дистрибуции линейки «Амэр-Амор» закрыты. Мы разрываем все предварительные соглашения. С тобой у нас бизнеса не будет.

Амэр побелел как мел.

— Ахмед-бей... прошу вас, вы не так всё поняли, это семейная сцена, эмоции... — залепетал он, но шейх даже не повернул головы.

Ахмед-бей подошёл к Анне, галантно склонил голову и приложил правую ладонь к сердцу:

— Мадам Анна, ханум Ада... Для нас было честью разделить этот вечер с вами. Завтра ровно в девять утра я жду вас обеих в переговорной отеля «Ритц». Мы детально обсудим проект «Сильная женщина» и условия контракта с Абу-Даби. Без лишних лиц.

Партнёры развернулись и твёрдым шагом покинули зал.

Амэр остался стоять посреди зала — опустошённый, раздавленный, потерявший многомиллионную сделку и остатки своего мнимого величия перед ресторанной публикой.

Анна медленно поднялась. На её лице не было ни тени прежнего страха. Впервые за долгие годы она смотрела на своего жениха сверху вниз — свободно, трезво и абсолютно безжалостно.

— Пойдём, Ада, — тихо, но твёрдо сказала Анна, взяв клатч. — Здесь стало слишком душно. Мне больше нечем дышать этим парфюмом.

— Tamam, Amër bey. Beni anladınız mı? (Всё, Амэр-бей. Вы поняли меня?)

Ада произнесла это громко, дерзко, словно ставя точку во власти Амэра. И, не оборачиваясь, взяла Анну под руку. Две женщины шли к выходу — неторопливо, ровно, сквозь тишину обалдевшего зала. За их спинами оставался мужчина, который думал, что может владеть людьми, как флаконами с парфюмом. Но этот аромат выветрился навсегда.

Глава 4. Тёплая вода

Москва за окном такси была мокрой, блестящей, чужой. Капли дождя ползли по стеклу, размывая огни фонарей в длинные рыжие полосы. Анна сидела, прижавшись лбом к холодному стеклу, и молчала. Ада не торопила её. Она знала: после такого потрясения человеку нужно время, чтобы тело догнало голову. Анна только что совершила поступок, равный прыжку с обрыва — и сейчас, в замкнутом пространстве машины, пришло осознание.

— Ада... — голос Анны был хриплым, надломленным. — Что я наделала?

— Ты спасла себя, — спокойно ответила Ада, мягко коснувшись её колена. — Это всё, что ты наделала.

— Он уничтожит меня. Ты не знаешь, на что он способен, когда ему перечат. У него связи, он позвонит в холдинг, меня уберут с должности...

— Аня, остановись. Ты только что блестяще защитила бизнес-план перед арабскими инвесторами. Завтра в девять утра тебя ждёт в «Ритце» человек, который готов вложить деньги в твой проект. Думаю, Амэру будет не до твоей должности — ему сейчас нужно спасти свою репутацию.

Анна замолчала. За окном проплывал мокрый бульвар, одинокие зонты, светящиеся вывески аптек и круглосуточных кафе. Москва жила своей ночной жизнью, равнодушная к маленьким и большим драмам.

— Я не хочу ехать к себе, — вдруг сказала Анна, и в её голосе впервые за вечер прозвучала не тревога, а простая, детская усталость. — Амэр знает, в каком я номере. Он придёт. Или будет звонить, пока не выломает дверь.

— Тогда едешь ко мне, — Ада кивнула так, будто это было решено давным-давно. — У меня двухместный номер, диван широкий, а дверь — с замком и цепочкой. Поехали.

Отель «Националь» встретил их тёплым светом мраморного холла и приглушённой музыкой. Портье в форме кивнул, не поднимая глаз, — две уставшие женщины в вечерних платьях были обычным зрелищем для московского пятизвёздочного отеля в одиннадцать вечера.

Когда они поднялись в номер и Анна наконец скинула туфли на высоких шпильках, она издала звук, похожий на стон облегчения.

— Боже... я весь вечер стояла на этих штуках, как балерина на проволоке.

Ада сняла пальто, расстегнула замок на изумрудном платье и переделась в мягкий серый халат отеля. Анна тоже накинула халат — белый, слишком большой для её тонкой фигуры. Она выглядела в нём как девочка, которая надела мамину одежду.

— Ада, — Анна села на край кровати, обхватив колени руками. — Там внизу спа. Я видала указатель на ресепшене. Хаммам, бассейн, массаж...

Ада посмотрела на неё. У Анны были красные, припухшие глаза, размазанный макияж и такая незащитная поза, что стало ясно: ей нужно не столько обсуждать, сколько просто быть в безопасном, тёплом месте, где никто не кричит, не контролирует и не считает калории.

— Пошли, — решила Ада. — Сначала тело, потом голова. Так работает психика: когда расслабляется тело, отпускается и напряжение в мыслях.

Спа-зона отеля «Националь» была маленьким островком спокойствия в сердцевине беспокойной ночи. Тёплый, влажный воздух хаммама обволакивал, как невидимые ладони. Стены и пол из светло-бежевого мрамора с тонкими прожилками золота были покрыты лёгкой дымкой пара. В нишах горели небольшие свечи — живой, тёплый огонь, а не безжалостный электрический свет. Откуда-то из скрытых динамиков лился тихий, медитативный звук воды — не музыка, а именно природный плеск, журчание ручья.

Они разделись и опустились на тёплые мраморные лежаки. Анна легла на спину, закрыла глаза и впервые за вечер её тело расслабилось — не нарочно, не усилием воли, а само, как будто тёплый камень под спиной вытягивал из неё напряжение по капле.

— Когда я работала в «Л'Ореаль», — заговорила Ада, лежа рядом и глядя на купол хаммама, — у нас был корпоративный психолог. Она говорила: тело помнит всё. Если ты годами сжимаешь плечи, потому что боишься, что муж сделает замечание, — плечи не расслабятся, как ты их ни расслабляй. Нужно сначала убрать страх, потом уйдёт и зажим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.